

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001.14

В. А. Антонец

Категория смысла в произведениях М. К. Мамардашвили и В. С. Библера

Выполнено под руководством профессора Т. С. Злотниковой в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г. (№ 2014/409) по теме «Культура России в трансформирующемся хронотопе»

В статье анализируется категория смысла в произведениях М. К. Мамардашвили «Картезианские размышления» и В. С. Библера «От наукоучения к логике культуры». Отечественная философская мысль конца XX в. характеризуется последовательным стремлением к пониманию и обоснованию категории «смысла», несмотря на то, что он не являлся непосредственным предметом размышлений. Через категорию смысла философы пытались обосновывать важнейшие категории философии, такие как мышление и логика. Философы по-разному подходят к проблеме места смысла в процессе мышления. М. К. Мамардашвили считает, что смысл является результатом и целью познания, в то время как у В. С. Библера он выступает отправной точкой мыслительного процесса. Несмотря на разный подход философов к данной проблеме, с точки зрения экзистенциального подхода они не противоречат друг другу. Как для М. К. Мамардашвили, так и для В. С. Библера «смысл» является первоосновой, онтологическим обоснованием существования, а цель мыслителя заключается в нахождении, точнее стремлении к возможности нахождения смысла. Именно поэтому категория смысла в анализируемых произведениях имеет одновременно как объективный, так и субъективный характер.

Ключевые слова: М. К. Мамардашвили «Картезианские размышления», В. С. Библер «От наукоучения к логике культуры», смысл, мышление, первооснова, существование, философия, трансцендентность.

V. A. Antonets

The Category of the Sense in M. K. Mamardashvili and V. S. Bibler's Works

The article deals with the category of the sense in "Cartesian Meditations" by M. K. Mamardashvili and "From Teaching Science to the Logic of Culture" by V. S. Bibler. The Russian philosophical thought in the end of the XX century is characterized by the consistent tendency to understand and justify the category "sense", in spite of the fact that it wasn't the immediate object of reflection. Through the category of the sense philosophers tried to substantiate the major categories of philosophy, such as cogitation and logic. Philosophers have different approaches to the problem of the place of meaning in the thought process. M. K. Mamardashvili considers that the meaning is the result and the purpose of cognition, while for V. S. Bibler it's the starting point of the thought process. Despite the different approach of the philosophers to this problem, from the point of view of existential attitude, they do not contradict to each other. For M. K. Mamardashvili as well as for V. S. Bibler "sense" is a fundamental principle, ontological ground of existence, and the thinker's purpose is to find, in particular in desire to have a chance to find the sense. So the category of the sense in analysed works has at the same time as well as the objective and subjective nature.

Keywords: "Cartesian meditations" by M. K. Mamardashvili, "From teaching of science to the logic of culture" by V. S. Bibler, sense, cogitation, the fundamental principle, existence, philosophy, transcendency.

Статья посвящена проблеме использования, толкования и самоорганизующейся дифференциации категории смысла в произведениях отечественных философов последней трети XX в. Материалами данной статьи являются произведения, где авторы не занимались конкретно изучением категории смысла, но так или иначе ставили ее.

Основным предметом рассмотрения М. К. Мамардашвили в «Картезианских размышлениях» является феномен мышления, в сочинении «От наукоучения к логике культуры»

В. С. Библера – логика мыслительной деятельности, можно сказать, логика в широком смысле этого слова. Философы, которых можно назвать диссидентами в бытийном понимании, разворачивают экзистенциальные проблемы, которые неразрывно связаны с категорией смысла, ибо нельзя говорить о мышлении и тем более логике, не вдаваясь в первопричину данных феноменов. Невозможно представить мышление, не стремящееся к постижению смысла, как невозможно назвать результат мышления ничем, кроме смысла. Как полагал М. Мамардашвили, «сознание

нам известно в том смысле, что мы знаем себя знающими что-то» [2].

В январе 1981 г. М. К. Мамардашвили прочитал курс лекций под названием «Картезианские размышления». Изначально курс предназначался аспирантам и сотрудникам Института психологии и ВНИИ технической эстетики, но в связи с огромной слушательской аудиторией (на первую «лекцию» пришли более 300 человек) «Размышления» приняли форму публичных чтений. Изданная в 1993 г. книга публиковалась по расшифрованному с магнитофонных записей, просмотренному и правленному автором тексту. Произведение В. С. Библера «От наукоучения к логике культуры» было в прямом смысле написано в 1991 г. Столь короткий промежуток времени редко приносит какие-то грандиозные изменения в философской мысли. Именно благодаря органической «инертности» философии и философствования можно говорить о том, что идеи, характерные для «Размышлений», можно встретить и в монографии В. С. Библера.

В первую очередь, необходимо отметить, что категория смысла в «Картезианских размышлениях» М. К. Мамардашвили и трактате «От наукоучения к логике культуры» В. С. Библера не является однородной. Феномен «смысла» здесь делится не только на повседневный и трансцендентный, смысл также бывает экстенсивным и интенсивным, действительным и спекулятивным, физическим и онтологическим, моральным, буквальным, строгим, активным, реальным и здоровым. Смысл бывает неполным и скрытым, он может использоваться в качестве синонима к «значению», «сознанию», «идее», проявляться в («утилитарной пользе»), в конце концов, смысл может быть «какой-нибудь другой».

В данной статье мы анализируем наиболее широкое, трансцендентное значение смысла, представленное в данных произведениях. По Мамардашвили, «смысл» – противоположность словесной оболочке слова: «Мы попытаемся разобратся с его смыслом. Пока я хочу выделить только словесную ткань» [2]. Философ предполагает, что смысл («словесная ткань») не оказывает влияния на истинный смысл, хотя обладает физическим смыслом. Автор разделяет физическую и онтологическую форму слова и пытается отделить истинное значение от физической «шелухи», поскольку у истины нет границ и нет дифференциации в историческом развитии: «временные термины не годятся, потому что внутри смысла самого этого акта нет временных разли-

чений – “до” и “после”. ... Все смыслы держатся образом этого вечного акта» [2]. Мамардашвили связывает смысл и истину (относительно новое и древнейшее понятия), отсылает читателя к представлениям об истине, заставляет его «вдуматься в смысл того, что говорим», это «истинный» смысл, к которому мы должны обратиться, он первоначален, бесконечен и может представиться нам только посредством мышления. Часто он опеределяется самим происхождением предметов: «онтологические равенства онтологичны в том смысле, что это предметы, которые имеют своим основанием только самих себя» [2], самообоснованные, и, «пока мы не разберемся в том, в каком смысле они существуют, мы не продвинемся вперед в анализе сознания мира». Но для человека «смысл» появился с появлением мыслящего существа: «Если – случилось, то мир уже наполнен существованиями, поскольку оно случилось и поскольку существует в том смысле, что непрерывно воспроизводится» [2]. А раз есть по крайней мере одно мыслящее существо (сам автор), тогда есть «существования» и есть возможность и потребность искать их смысл. Последний, по Мамардашвили, как говорилось выше, существует, и он первоначален, но в связи со сложностью его обнаружения перед современным исследователем встает много проблем.

Первая из проблем, выявленная при изучении идей М. К. Мамардашвили, заключается в том, что «мы считаем, живя во времени, что в ней [реальности] есть одна относительная истина, к ней прибавляется другая, складываясь в некую линейную цепь, или линейную прогрессию, в нашем бесконечном стремлении к истине. Должен признаться, что эта картина бессмысленна. Этого не существует» [2]. То есть, по Мамардашвили, важно определить место смысла в процессе мышления, и мыслитель делает вывод, что «смысл, чтобы он вообще был, уже должен быть» [2]. Если мы мыслим – обязательно доберемся до смысла, независимо от наших первоначальных установок: если «удерживать нить рассуждения» от начала и до конца, то обнаружение истины неизбежно. Кроме того, размышление не может быть ложным, если мы действительно совершаем мыслительный акт: «Мы мыслим, и когда мыслим, то не заблуждаемся. Заблуждений нет, как нет фактически и истины: между первым и вторым шагами рассуждения эти термины неприменимы» [2]. Процесс познания Мамардашвили называет процессом «разворачивания смысла». Если Я – мыслящее существо и нахо-

жусь в состоянии сомнения, то «зреющий смысл» начинает разворачиваться передо мной «откристаллизовываясь на глазах в “свойства” и “качества” предметов (как и нас самих, нашей души), имеющих значение и понятных нам в смысле общих актов» [2]. По Мамардашвили, если мы действительно мыслим, то «мышление» выступает синонимом познания.

Вторая проблема, выявляемая при изучении работы М. К. Мамардашвили, «возникает потому, что, когда мы имеем дело с бытием, мы имеем дело с вещами, которые не имеют оснований в нашем реальном мире. Добро не имеет оснований в мире. Есть “точки интенсивности”, которые переводят нас – нашу психику – в другой режим, из которого мы потом сами выпадаем в некий кристалл как люди» [2]. Иначе, если есть вещи, внешнюю форму которых человек может наблюдать с помощью органов чувств, и мы можем постичь его смысл, то что делать с теми феноменами, которые даже не обладают физической оболочкой? «Таких точек немного, – говорит Мамардашвили. – Бог – такая точка. И казалось бы, они излишни, бесполезны. В них нет никакой утилитарной пользы. И в этом смысле они избыточны. Бессмысленная в своей избыточности интенсивность вокруг них меняет смыслы нашей жизни. Смыслы нам доступны и понятны, а сами эти точки недоступны и непонятны» [2], они не имеют физических оснований. «Добро не имеет оснований в мире, человек как человек не рожден природой. То есть если бы у нас не было этого человеческого (не природного) начала, то мы бы не были людьми. Людьюми мы станем – или не станем – лишь после того, как совершится какое-то движение и наше взаимоотношение с вещами, которые не имеют оснований в природном мире: природа человека не рождает. Но, поскольку в нашей жизни есть такие силы, они и называют себя «Богом» [2]. Мамардашвили также выделяет такие точки интенсивности, как «врожденные идеи», «тела воображения» и т. д. Он говорит: «точки интенсивности» помогают «мысли случаться и завязываться впереди меня» [2].

Философ противопоставляет их («точки интенсивности») «большинству вещей, которыми мы живем, таковым, что вообще не имеют смысла и даже не порождают почву, на которой можно было бы что-то доказывать в качестве истинного или опровергать в качестве ложного» [2]. То есть, по Мамардашвили, в мире есть феномены, имеющие смысл; бессмысленные, но порож-

дающие смысл; и бессмысленные и не порождающие смысл.

Третья проблема, которую мы видим у М. К. Мамардашвили: что же скрывает смысл вещей? Для М. К. Мамардашвили ответ очевиден – реально существующая действительность: «Весь мир завертелся и накрутился вокруг нас с чудовищной скоростью, накладывая одно впечатление на другое, один смысл на другой, одно событие на другое» [2]. С появлением реального мира физический смысл предметов «накрыл» собой онтологический, скрыл от взгляда и мы не можем понять феномены посредством чувственного/какого-л. другого восприятия, кроме рассудочного, и то лишь при условии ненарушения «нити рассуждения».

Четвертая проблема, инспирированная процессом познания смысла: каким образом человек может познать? Мамардашвили отвечает: ты познаешь смысл, себя и мир только если «что-то в себе выпросишь до конца и у тебя хватит мужества, веря только этому, раскрутить это до последней ясности» [2]. Познать себя экзистенциально, «до последней ясности», и тогда мы узнаем все, каждый феномен, а он «должен быть и, тем самым, быть нам известным, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена» [2]. А в процессе познания человек должен руководствоваться «здравым смыслом»: «срезающим наслоения суеверий и социальных предрассудков» [2].

При рассмотрении категории «смысла» в качестве своеобразной отсылки мышления к осознанию и пониманию первоначального, истинного значения вещей смысл можно рассматривать процессуально. «Мы способны понять то, что написано в философском тексте, лишь в том случае, если сумеем воспроизвести сказанное в нем (не слова, а сказанное в нем) в том смысле, что и мы можем это помыслить» [2]. Человек может познать все, а не только вещи: «Пространство в этом смысле есть условие того, что мы вообще что-то можем наблюдать в смысле физического наблюдения явлений» [2].

В отношении «смысла» и «сознания» М. К. Мамардашвили пытается «отделить физическую объективную картину описания от смысла, от сознания ... мы должны придерживаться различия, предлагающего рассматривать смысл независимо от локализаций физической картины предмета на наших органах чувств» [2]. То есть смысл – это и есть сознание, независимо от того, как мы воспринимаем предмет, если мы

его мыслим, то можем постичь и его суть: «Сознание нам известно в том смысле, что мы знаем себя знающими что-то» [2].

Кроме протяженности (как процесса осмысления, мышления), «смысл», с точки зрения М. К. Мамардашвили, может выступать в качестве состояния, не длительности, но и не всегда вещи. Тогда «смысл» несет некое абстрактное, непонятное значение, значение, которое не может быть погружено в какую-либо телесную оболочку.

Но, размышляя об отвлеченных вещах, предметах, М. К. Мамардашвили не мог игнорировать проблему человека, его существования и *смысла* его жизни: «Я есть вещь, но – мыслящая» [2]. Рассуждая таким образом, мы подошли к проблеме человеческого существования. Ведь, если человек – вещь, но в то же время способен совершить акт мышления, он не просто может постичь смысл, но и сам должен его нести. Здесь вырастает противоречие: «и человек, и бытие есть лишь в каком-то смысле движение: нужно двинуться, и потом мы можем говорить о предметах в бытии, но отличая бытие предметов от существующих предметов» [2]. Только что нам было доказано, что человек – это вещь, а здесь читаем, что он же – движение. Мы считаем, что Мамардашвили намеренно употребляет фразу «в каком-то смысле», которая не только снимает данное противоречие, но и подчеркивает неоднородность человека как феномена философского размышления, его особенность в сравнении с другими вещами. Это заключается также в том, что человек способен приблизиться к познанию Бога: «зная о себе (зная трансцендентально), мы еще больше знаем (в этом же смысле) о Боге и почти ничего не знаем о вещах» [2]. Но человек никогда не сможет познать себя, ведь, если «мы еще больше» будем знать о Боге, познаем и его, а это невозможно (помним про «точки интенсивности», непознаваемые и недостижимые) [2]. То есть человек стремится к истинному смыслу, но никогда не поймет, что познал его. Говорит не только и не столько о борьбе, сколько о мышлении. Ведь поиск смысла всегда личностен, субъективен, индивидуален, тем более, поиск смысла жизни.

Таким образом, мы можем заключить, что смысл, по Мамардашвили, первоначален, но скрыт и познать его можно только посредством мыслительного процесса; смысл истинен, но может быть субъективен; смысл феномена может состоять из взаимодополняемых и взаимопрони-

кающих смыслов его элементов; человек как мыслящее существо может стремиться к познанию смысла, но никогда этого не достигнет.

В философских идеях М. К. Мамардашвили смысл является целью мышления и познания, в то время как у другого отечественного философа того же исторического периода, В. С. Библера, смысл выступает в роли отправной точки, фундамента мыслительного процесса. С точки зрения экзистенциальной философии эти подходы не противоречат друг другу.

Как было сказано, у В. С. Библера смысл первоначален – это «смысл в собственном смысле слова» [1]. Библер определяет и цель мышления, которая заключается в раскрытии смысла последнего: «Философу, читающему текст, надо увидеть формализм содержания и надо увидеть содержательность формы, ее предметный смысл, разглядеть в логической форме содержание» [1].

Особенно важной мы полагаем проблему образования смысла и места его нахождения в философии В. С. Библера. Смысл начала (как начала мышления вообще и отдельного эпизода в частности), говорит философ, заключен в «точке возникновения логик». То есть, другими словами, если предмет появился и начинает логически обосновываться, то он имеет смысл (вспомним: Мамардашвили также говорил о самозарождении смысла в момент появления «мыслящего существа»). Иначе говоря, по В. С. Библеру, смысл существует изначально, но для мыслителя он обретает значение только при наличии мыслительного акта.

В то же время оба философа говорят о поверхностности мышления современного человека («в целостный смысл идей вдумываться стало лень» [1]), но необходимости углубиться, разобраться и познать: «Мы привыкли отождествлять любой смысл *понимания* (и – понятия) со смыслом *познания*; любой смысл разума – с разумом познающим, любой смысл логики – с логикой как истиной *гносеологии*. Мы выросли в таком отождествлении, наши мысли неотделимы от тождества «понять = познать» [1]. Одного понимания, «сводимого к сущности», по В. С. Библеру, недостаточно, автор разводит понятия «смысла» и «сущности», и смысл оказывается шире, глубже. Логика же, в свою очередь, не может быть однородной, но должна быть представлена как «логика внутреннего спора различных логик» или «диалогика» – иначе не осуществится процесс познания, ведь тогда «в сеть познающего

разума попадает сущность вещей, но ускользает их смысл и их бытие» [1].

Таким образом, В. С. Библер разводит понятия «смысла» и «сущности», при этом «сущность вещи» – ее физическая оболочка – становится «физическим смыслом вещи», то есть более широкое понятие «смысла» включает в себя понятие «сущности». А «сущность» вещей – это то, что может быть наиболее четко и остро преобразовано в практическое, орудийное использование (= явление)» [1]. Именно в стремлении к обоснованию практического использования мы забываем о трансцендентном, философско-логическом смысле. Логический смысл в данном случае обеспечивает понимание формы, в то время как философский – понимание содержания, даже тех феноменов, которые не только бесформенны, но и не названы. Для полного философского раскрытия смысла феномена необходим «диалог с самим собой», не «монолог одинокого мыслителя с самим собой», когда «я уточняю для себя смысл сказанного и свожу новое к старому», а именно диалог, но диалог разных (взаимодополняемых) логик, «диалог может быть только с другим: с “Ты”, с опытом» внутри единого размышления одного человека.

По Библеру, «диалог с опытом» можно обозначить как «внутреннюю речь», которая является «смысловой стороной речи» и в связи с тем, что она (внутренняя речь) не вербализована, смыслы внутри нее будут истинными. «Во внутренней речи смысл слова преобладает над его значением ... смысл слова неповторим, существует только в контексте» [1]. Автор подчеркивает значение контекста, социального окружения мыслителя: «Социальные связи не только погружаются во внутреннюю речь, они в ней коренным образом *преобразуются*, получают новый (еще не реализованный) смысл, новое направление во внешнюю деятельность, в предметное воплощение [1]. Библер подчеркивает, что внутренняя речь имеет очень мало общего с речью внешней, с процессом общения как таковым. По его мнению, «внутренняя речь – речь почти без слов» [1], при этом «смысл слова никогда не является полным» [1]. То есть истинный смысл доступен только для «внутренней речи», переходя же во внешнюю, смысл искажается, а иногда и совсем пропадает. Но, тем не менее, В. С. Библер не считает внешнее проявление речи сугубо негативным явлением. Он говорит о том, что «противоположно направленные процессы развития смысловой и звуковой сторон речи образуют

подлинное единство именно в силу своей противоположной направленности» («диалогика») [1]. И понятие истинный смысл предметов мы можем лишь благодаря синтезу «противоположно направленных» логического и философского смыслов внутри одного рассуждения.

Необходимо отметить: в связи с тем, что каждое рассуждение субъективно, «смысл» в данном произведении может также носить субъективный характер (ведь «диалогика» субъективна, определяется мышлением отдельного философа, пытающегося познать): «сократовский смысл» [1], «в смысле Дешана» [1], «боровский смысл» [1]. Это указывает на дифференциацию «смысла» не только в рамках мировоззрения эпохи, но на индивидуальность его осознания внутри мышления отдельного философа. Здесь следует упомянуть рассуждения о специфике конкретно «исторического смысла». По Библеру, последний всегда характеризуется местом и эпохой, с ней же он и изменяется. Автор выделяет «западный, восточный, средневековый, нововременной» смыслы [1], «смысл в формах европейского мышления» [1] и указывает на их особенности. Как говорилось выше, философско-логический смысл проявил себя лишь в XX в.

Обращаясь к историческому опыту, М. К. Мамардашвили заявляет: «В античной культуре реальный смысл вопроса о предельной логичности размышлений скрыт в другом – содержательном – вопросе: как возможно определить “хаос” – в форме “космоса”, во *внутренней форме*» [1]. Античность не постулирует возможность определения (тем более понимания) чего-то первоначального, «исходного». Иными словами, для античного периода характерно понятие «логического смысла» (в терминологии В. С. Библера), при этом «физический смысл» не затрагивается и не воспринимается необходимым аспектом размышления.

В то время как «в средние века вопрос о логичности рассуждений неявно скрывает совсем иной смысл идеи понимания; как возможно логически корректно *вывести* ничтожное самобытие вещей, людей, мыслей *из* сверхбытия всеобщего творящего субъекта, до-бытийного по своей сути? [1] Есть Я, есть Бог, оба мы обладаем бытием, но наше бытие нетождественно. Это объясняется теологичностью мышления средневекового человека. Средневековье, в отличие от Античности, рассматривает лишь «физический смысл» бытия, также ограничивающий возмож-

ность познания «истинного смысла», по В. С. Библеру.

И лишь в Новое время два необходимых аспекта мышления, две характеристики смысла («физический» и «логический») соединяются и дают возможность истинного понимания и познания.

В. С. Библер характеризует Новое время как эпоху, ставящую «вопрос о понимании как познании самостоятельной сущности вещей. Логично здесь то, что позволяет последовательно (причины-действия и причины-следствия) свести бытие к сущности, а сущность – к понятию...». Далее, В. С. Библер интерпретирует сказанное выше: «В точках “достаточности вывода” логической санкцией выступают: для античности – идея *определения*; для средних веков – идея *исчерпания* данной степени бытия; для Нового времени – идея *взаимной обоснованности* «порядка вещей» и «порядка идей». Переход от одной эпохи к другой непременно сопровождается отказом от старого смысла и поисками нового или, скорее, обоснованием его существования: «Ничего не получается без идеи нового “неделимого” предмета, без нового логического смысла понятий “неделимости” и “необходимости» [1].

Особо остро реагирующим на процесс развития смысла является XX в. в связи с рождением новых подходов к логике: «лишь логика XX века (там, где она осмысливается как логика) специально тормозит свое внимание на философско-логическом, полилогическом смысле идей» [1], в то время как «познающий смысл понимания» «в своей односторонности и сфокусированности был доведен в XX в. до *предела*, обратился к диалогу с самим собой и – это особенно важно – вышел к “трансдукции” в иной “тип” разума, включился в диалог Разума (“философской логики”) культуры» [1].

Таким образом, можно сделать вывод: для отечественной философской мысли конца XX в. характерно последовательное стремление к пониманию и обоснованию категории «смысла», несмотря на то, что он не являлся непосредственным предметом размышлений. Отечественные философы последней трети XX в., с одной стороны, являются «своими» – в пространстве вечности, с другой – ищут связи с «чужим» миром для современных людей. Через категорию смысла они пытались обосновывать важнейшие категории философии, такие как мышление и логика. Как для М. К. Мамардашвили, так и для В. С. Библиера «смысл» является первоосновой, онтологическим обоснованием существования, а цель мыслителя заключается в нахождении, точнее, стремлении к возможности нахождения смысла.

Библиографический список

1. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры [Текст] / В. С. Библер. – М., 1998.
2. Мамардашвили, М. К. Картезианские размышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. – СПб., 2002.
3. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2768.html>, свободный. Проверено 09.03.14

Bibliograficheskiy spisok

1. Bibler, V. S. Ot naukouchenija k logike kul'tury [Tekst] / V. S. Bibler. – M., 1998.
2. Mamardashvili, M. K. Kartezianskie razmyshlenija [Tekst] / M. K. Mamardashvili. – SPb., 2002.
3. Novaja filosofskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://iph.ras.ru/elib/2768.html>, svobodnyj. Provereno 09.03.14